

ЛОПАТКА-АМХАП КАК ИНСТРУМЕНТ УСТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ У АБЖУЙСКИХ АБХАЗОВ

Традиционная сословная иерархия абхазского общества состояла из семи ступеней. Высшее сословие составляли *тауады*-князья и *аамыста*-дворяне. Между высшим сословием и крестьянами на социальной лестнице располагались *ашьнакума*, исполнявшие военную службу у князей. Далее по сословной лестнице располагались крестьяне, которые делились на три категории: *анхаю цкиа* (свободные общинники), *амацуразку*, которые несли разные повинности, *агыруа* (досл. менгрел), *ахашвала*, домашние рабы.

По словам очевидцев, в Абхазии фактически никогда не было феодальной зависимости. Сравнивая жизнь мегрельских и абхазских крестьян, известный просветитель и краевед XIX — начала XX в. отец Константин Мачавариани отмечал: «В общем, в Абхазии между высшими и низшими сословиями не было того антагонизма и той отчужденности, какие существовали в Гурии, Имеретии и Грузии». Крестьян и дворян связывало искусственное родство — аталычество (дворянские сыновья воспитывались в крестьянских семьях до совершеннолетия). Свободные общинники анхаю цкиа составляли 2/3 населения Абхазии (Лакоба 1990: 123).

Одной из главных отличительных черт положения анхаю цкиа была свобода передвижения и право поселаться в другом месте. Причин для переселения могло быть несколько, например совершение убийства, конфликт с местным дворянином, несправедливое решение народного суда. Переселиться крестьянин мог сам или вместе с семьей. Переселенец отправлялся подальше от своего дома, туда, где его никто не знал. Обычно это было конкретное село, которое располагалось вдали от его родного села. Прибыв на новое место, он сам или вместе со своей семьей становился гостем и мог рассчитывать на радушный прием, так как как гостеприимство у абхазов не просто обычай, но скорее священный закон, нарушение которого считается грехом. Отказавший в гостеприимстве навлекал на себя всеобщее порицание и позор. Принимая незнакомого гостя, не принято интересоваться, кто он, зачем пришел и куда направляется, пока он сам, имея причины скрывать имя и свои дела от посторонних людей, не сочтет необходимым объявить об этом, иногда только как тайну одному хозяину.

Бывали случаи, когда такие гости получали от хозяина участок земли и помощь в обустройстве. Но тут возникает вопрос: почему хозя-

ин дарил землю, и на каких правах поселял своего гостя? И вообще, как это могло происходить?

Известно, что в Абхазии земля имела очень высокую цену. По сообщению наших информантов, бывали случаи вооруженных столкновений из-за земли даже между однофамильцами. Итак, если гостю давали кров, на следующий день ему предлагали лопатку-*амхап*, чтобы он сварил мамалыгу для всех. Лопатка — инструмент приготовления *абыста*-мамалыги, основы абхазского застолья. Ею перемешивают мамалыгу во время варки. Лопатки бывают двух типов: большая, гостевая, которая обычно используется на больших застольях (свадьбы, поминки, компании друзей и т.д.), и варка мамалыги с ее помощью является почетной обязанностью одного из приглашенных соседей или родственников-мужчин; и маленькая, семейная, которая используется при приготовлении мамалыги для семейной трапезы, и ею пользовались женщины. Гостю предлагалась именно маленькая лопатка. Если гость находил в себе мужество, то он отказывался от предложения и даже мог сломать лопатку о голову принесшего ее, сохраняя, таким образом, статус свободного крестьянина. В подобной ситуации ему приходилось покинуть данное селение и продолжить путь. О таком случае рассказывает родовое предание семьи Шларба: предок фамилии Шларба, прежде чем поселиться в селе Джгерда, остановился в доме князей Амаршан. Когда ему утром предложили лопатку, он сломал ее об голову управляющего и продолжил путь. В конце концов, он поселился в Джгерде.

Бывали случаи, когда гость принимал лопатку и варил мамалыгу. Тогда он попадал в личную зависимость от хозяина и становился батраком. С этого времени лопатку хранили в *апацхе* (в кухне, стены которой были сплетены из веток деревьев и кустарника), воткнув ее между прутьями около входа с внутренней стороны. Об этом свидетельствует инцидент, произошедший в селе Джгерда в 1960-е гг. между представителями фамилии Амичба и Шоууа, о котором мне сообщили в 2008 г. В драке представитель фамилии Амичба был избит представителем фамилии Шоууа. В порыве гнева Амичба сказал: «Ты теперь сильный и бьешь меня, забывая, что вы были нашими батраками». Шоууавцы оскорбились, но им посоветовали поинтересоваться у самой старшей женщины деревни, в чем причина обидных слов в их адрес. На вопрос о том, почему их оскорбили, она ответила: «Пойдите и посмотрите на амхап, воткнутый в апацхе у старшего представителя фамилии». Как оказалось, лопатка действительно была воткнута в апацхе на определенном месте, напоминая давно минувшее прошлое.

Таким образом, несмотря на отсутствие крепостной зависимости, в абхазском обществе существовала практика батрачества. По тем или иным причинам некоторые крестьяне попадали в зависимость к более сильным. Сюзереном мог быть как свободный общинник-анхаю, так и дворянин. Одним из способов оформления зависимости был выше-

описанный пример использования лопатки, которая, таким образом, выступала как маркер, фиксирующий социальную дифференциацию в Абжуйской Абхазии.

Библиография

Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990.

Е.И. Кобахидзе

ВЛАСТЬ ИЛИ БОГАТСТВО? К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОГО МОТИВА В СКАЗОЧНОЙ ПРОЗЕ ОСЕТИН

Речь пойдет о мотиве воцарения, достаточно распространенном в европейской волшебной сказке и получившем своеобразное отражение в осетинском фольклоре. Анализ способов и вариаций его развития здесь дает основания для ряда выводов социального свойства, возможных в случае рассмотрения волшебной сказки как символического отражения исторической памяти, в которой тесно переплелись элементы мифологического и обыденного сознания.

Классическая европейская волшебная сказка представляет законченную парадигму воцарения с сюжетно и композиционно завязанными между собой структурными звеньями: «трудные задачи», брак с царевной и собственно воцарение, в результате которого герой (как правило, «низкого» происхождения) получает право на власть либо там, откуда он прибыл, либо там, куда он пришел. При этом герой воцаряется после насильственного разрешения властного конфликта либо со старым правителем, либо с тестем.

Этот же мотив в осетинской волшебной сказке развивается по другим канонам, заметно отличающимся от европейских. Обращает на себя внимание, во-первых, нераспространенность самого мотива, во-вторых, неактуализированность задачи «воцарения» как таковой: эта возможность, возникающая в ходе сказочного повествования, представляется герою как бы по пути к достижению неких иных целей, манифестируемых в начале повествования. Другая специфическая особенность «воцарения», фиксируемая в осетинской волшебной сказ-